

Что день грядущий нам готовит?
(к вопросу о современной научной парадигме
в области гуманитарного знания)

В.В. Красных (МГУ, Россия)

What has the coming day in store for us?
(to the question of modern scientific paradigm in humanitarian knowledge)

V.V. Krasnykh (MSU, Russia)

Аннотация

В данной статье рассматривается современная научная парадигма, сложившаяся в России на рубеже XX–XXI веков. Отмечаются ее основные характеристики: интегративность (интегральность) и холистичность, – обусловленные рядом внешних и внутренних причин. Высказывается предположение о новом этапе в развитии научной мысли – этапе неопостпозитивизма, который соотносится с постнеклассикой в рамках философии науки, а также формулируются некоторые его постулаты. Кратко представлены некоторые современные направления и дисциплины, активно развивающиеся в последнее время в российской науке и эффективно изучающие различные аспекты взаимодействия, взаимозависимости и взаимовлияния языка, культуры, лингвокультуры, языкового сознания, образа мира, коммуникации. В обзоре представлены такие дисциплины, как психолингвистика, этнопсихолингвистика, неопсихолингвистика, лингвокультурология, теолингвокультурология, когнитивная лингвокультурология, психолингвокультурология. Особое внимание уделено психолингвокультурологии как новой научной дисциплине.

Ключевые слова: современная научная парадигма, интегративность, холистичность, неопостпозитивизм, психолингвистика, этнопсихолингвистика, неопсихолингвистика, лингвокультурология, теолингвокультурология, когнитивная лингвокультурология, психолингвокультурология

Abstract

The paper aims at analyzing modern scientific paradigm developed in Russia at the turn of XX–XXI centuries. The author observes its main characteristics – integrative and holistic character. These are believed to be presupposed by a range of external and internal factors. The author also suggests a new stage in the development of scientific thought – the stage of neo-post-positivism, which corresponds to post-non-classicism within the framework of the philosophy of science, and formulates some of its postulates as well. The article briefly presents some modern scientific fields and disciplines which actively develop in recent years in the Russian science and efficiently research various aspects of interaction, interdependence and interpenetration of language, culture, linguoculture, linguistic conscience, worldview, communication. The author provides a survey of such disciplines as psycholinguistics, ethnopsycholinguistics, neopsycholinguistics, linguoculturology, theolinguoculturology, cognitive linguoculturology, psycholinguoculturology. The author focuses particularly on psycholinguoculturology as a new discipline.

Key words: modern scientific paradigm, integrative and holistic character, neo-post-positivism, psycholinguistics, ethnopsycholinguistics, neopsycholinguistics, linguoculturology, theolinguoculturology, cognitive linguoculturology, psycholinguoculturology

Человек! Это – великолепно!
Это звучит... гордо! Человек!
Надо уважать человека.
(Сатин)
М. Горький. На дне. Д. 4.

Часть I. Современная научная парадигма

В последние годы (если не десятилетия) в нашей науке отмечается всплеск интереса к исследованиям интегративного (интегрального), холистического (холистского) характера. Как всякое явление, это имеет свои причины (как внешние, так и внутренние; как объективные, так и субъективные) и свои последствия, крайне важные для современной научной парадигмы.

Внешние, как объективные, так и субъективные, причины коренятся, думается, в (реальном) мире, в котором живет человек, и обуславливаются в первую очередь окружающей человека действительностью. «Сжатие» пространства и «ускорение» времени, возрастающая мобильность населения земного шара, расширение разнообразных межкультурных контактов (как на до-, так и на сверх-национальном уровне) и связанные с этим рост и углубление конфликтов (межнациональных, межэтнических, межконфессиональных и проч.), глобализация, нацеленная на установление некоего «общего» порядка, и вызванные ею же усиление этно- и национально-культурных настроений, рост этно-/национально-культурного самосознания, все более явное нежелание подчиняться «единым» правилам, зачастую противоречащим культурным традициям того или иного народа, и под., – это, вероятно, основные и лежащие на поверхности, но далеко не единственные факторы.

Внутренние причины также вполне понятны, хотя, возможно, и не столь очевидны. Связаны они в первую очередь с развитием самой науки. К числу внутренних и вполне объективных причин следует отнести в первую очередь общую «гуманизацию» научных знаний. Так, начало XXI-го века ознаменовалось в науке становлением новой парадигмы исследований (это утверждение уже давно стало трюизмом), ставшей закономерным результатом развития научной и художественной мысли века XX-го: весь предыдущий период характеризовался повышенным интересом к тем или иным проявлениям человеческого бытия, жизнедеятельности самого человека (см.: развитие философской мысли; становление различных дисциплин в рамках психологической науки; формирование и кристаллизация богатейшего «букета» когнитивных наук; и т. д., и т. п.). И в связи с этим в очередной раз не могу не вспомнить услышанное мною на рубеже XX–XXI веков и неоднократно мною уже цитировавшееся высказывание одного из представителей, как принято говорить, фундаментальных наук: XX век был веком *high tech*, а век XXI призван стать веком *high homo*. К величайшему сожалению, я не запомнила имени автора этих слов, но двумя руками голосую за данное положение. Повторю еще раз, что произнесено это было отнюдь не гуманитарием. Гуманитарные же науки по определению всегда занимались именно человеком (не случайно они «гуманитарные»), однако даже для сферы гуманитарного знания оказалось крайне важным во второй половине XX-го века и – особенно – в его конце смещение в научных изысканиях акцента на изучение реального человека в реальных условиях реального бытия и реального общения (вспомним, например, всплеск в 60–80-е годы особого интереса отечественных специалистов к исследованиям разговорной речи, «устно-разговорной разновидности литературного языка» (термин О.А. Лаптевой), естественной / живой / спонтанной коммуникации; см. работы Е.А. Брызгуновой, Е.А. Земской, О.А. Лаптевой, О.Б. Сиротининой, Н.И. Формановской и др.). Приблизительно в то же время (как минимум, начиная с последней четверти XX-го века) ведущие филологи (Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и др.) заговорили о формировании новой научной парадигмы, которая окончательно сложилась к началу нынешнего века и получила название антропоцентрической. Данная парадигма характеризуется двумя основными тенденциями, о которых неоднократно говорила В.Н. Телия: антропобежностью и антропостремительностью. И если в первом случае окружающий мир изучается сквозь призму человека, то во втором – человек изучается сквозь призму того, что его окру-

жают. Применительно к лингвистическим изысканиям, соответственно, мы можем говорить не только о «человеке в языке» (см., напр., серию коллективных монографий: [Роль... 1988; Кубрякова и др. 1991; Телия и др. 1991; Человеческий фактор... 1992]), но и о «языке в человеке» (см., напр.: поиск «путей исследования “человека вместе с языком и языка в человеке” – творца и носителя языка как конкретной языковой личности» предопределил и потребовал «выход за пределы изучения языка только как системно-структурного образования» (по Ю.Н. Караулову) [Телия 2005: 4]) (последнюю мысль В.Н. Телия многократно высказывала в личном общении). Представляется возможным в такой постановке вопроса увидеть некоторую аллюзию на идею В. фон Гумбольдта, считавшего, что «посредством того же самого акта, в силу которого он [человек] *сплетает* (herausspinnt) язык изнутри себя, он *влетает* (einspinnt) себя в него» [Гумбольдт 2000] (выделено мною. – В.К.). Итак, в рамках современной научной парадигмы (как минимум, в сфере науки лингвистической) мир рассматривается как сложное образование, в центре которого стоит человек, являющийся по сути «мерилом всего», «мерой всех вещей», что, с одной стороны, восходит к античным временам (по Протагору, «человек есть мера всех вещей в том, что они существуют, и в том, что они не существуют» – принцип человека-меры); а с другой – позволяет, на мой взгляд, говорить о некоем «Возрождении» в мире науки. Таким образом, в фокусе внимания не только естественнонаучного знания, но и гуманитарных наук оказывается, если угодно, «новая реальность», что, с одной стороны, обуславливается, с другой – обуславливает осознание объекта исследований как сложных саморазвивающихся систем.

Не могу не отметить, что обсуждаемые проблемы уже достаточно длительное время занимают умы философов. И тут представляется необходимым отступить чуть в сторону, дабы сделать небольшой экскурс в историю философии науки, важный для данного разговора. (Сразу особо подчеркну, что в основе нашего краткого изложения лежат данные философских словарей и энциклопедий.)

Итак, какие же (в первую очередь) философские направления представляют интерес в данном случае? Это позитивизм, неопозитивизм и постпозитивизм.

«**Позитивизм** (франц. positivisme, от лат. positivus – положительный) – в широком смысле слова – общекультурная (идеологическая) установка “западного” сознания, сложившаяся в процессе становления капиталистического (промышленного) общества, пришедшего на смену феодальному» [НФЭ 2001]. При этом позитивизм предполагал «радикальное изменение иерархии ценностей»: отказ от присущего предшествующей феодальной эпохе признания приоритета «небесного», «возвышенного», «духовного» перед «земным», «низменным», «телесным» и утверждение в качестве приоритета именно «телесной природы человека, его практических (“материальных”) интересов и производственно-преобразующей деятельности в материальном мире» [Указ. соч.].

Это философское направление XIX–XX вв. было основано «на принципе, что все подлинное, “положительное” (*позитивное*) знание может быть получено лишь как результат отдельных специальных наук и их синтетического объединения <...>» [ФЭС 1983; ФЭ 1960–1970].

Оно подчеркивало «надежность и ценность положительного научного знания по сравнению с философией и иными формами духовной деятельности», отдавало «предпочтение эмпирическим методам познания» и указывало «на недостоверность и шаткость всех теоретических построений» [ФЭС 2004].

Середина 20-х годов XX в. охарактеризовалась очередным («третьим») всплеском интереса к позитивизму, и именно тогда «сформировался и быстро завоевал широкую популярность неопозитивизм, или логический позитивизм» [Указ. соч.].

«**Неопозитивизм**, или логический позитивизм (логический эмпиризм) – одно из основных направлений философии XX в., соединяющее основные установки позитивистской философии с широким использованием технического аппарата математической логики» [Указ. соч.]. Новая философская концепция основывалась «на идеях Л. Витгенштейна, изло-

женных в его “Логико-философском трактате”»: «мир устроен так же, как язык математической логики <...> “мир есть совокупность фактов, а не вещей”», при этом «действительность распадается на отдельные “атомарные” факты, которые могут объединяться в более сложные, “молекулярные” факты» [Указ. соч.]. Неопозитивизм как одно из основных направлений философии XX в. «возник и развивался как течение, претендующее на анализ и решение актуальных философско-методологических проблем, выдвинутых развитием современной науки – роли знаково-символических средств научного мышления, отношения теоретического аппарата и эмпирического базиса науки, природы и функции математизации и формализации знания и пр.» [ФЭС 1983]. Отличительная особенность неопозитивизма «состоит в том, что при сохранении основных установок позитивистской философии он широко использует аппарат математической логики для формулировки и решения философских проблем» [ФЭС 2004].

В конце 1950-х годов начался новый этап в развитии философии науки, получивший название «**постпозитивизм**». По мнению одного из энциклопедических словарей по философии [ФЭС 1983], постпозитивизм «не представляет собой особого философского направления, течения или школы», это скорее «общее название, используемое в философии науки для обозначения множества методологических концепций, пришедших на смену методологии логического позитивизма» [Указ. соч.]. Некоторые основные особенности методологических построений постпозитивизма могут быть сформулированы следующим образом: 1) *отход от ориентации на символическую логику и обращение к истории науки*, иначе говоря, постпозитивизм «заботится не столько о формальной строгости своих построений, сколько о соответствии их реальному научному знанию и его истории»; 2) *изменение проблематики методологических исследований*: главной проблемой философии науки постпозитивизм «делает понимание развития научного знания»; 3) *отказ от жестких разграничительных линий, установлению которых позитивизм уделял большое внимание*: «смягчается известная дихотомия эмпирического – теоретического, исчезает противопоставление фактов и теорий, контекста открытия и контекста обоснования»; 4) *отказ «видеть жесткие границы между наукой и философией»*, признание «осмысленности философских положений и неустрашимости их из научного знания»; 5) *стремление опереться на историю науки*: «представители постпозитивизма главным объектом своего внимания сделали развитие знания, поэтому они вынуждены были обратиться к изучению истории возникновения, развития и смены научных идей и теорий»; 6) *отказ от кумулятивизма в понимании развития знания*: поскольку постпозитивизм «признал, что в истории науки неизбежны существенные, революционные преобразования, когда происходит пересмотр значительной части ранее признанного и обоснованного знания – не только теорий, но и фактов, методов, фундаментальных мировоззренческих представлений», то возник вопрос о линейном, поступательном развитии науки и накоплении знаний, в силу чего «многие представители постпозитивизма предпочитают говорить не о развитии, а об изменении научного знания» [Указ. соч.].

Проблемы, которые были в фокусе внимания позитивизма, неопозитивизма и постпозитивизма, касались в основном и в первую очередь философии науки. При этом «с эволюцией от неопозитивизма к постпозитивизму связано изменение некоторых мировоззренческих установок философии науки – *разочарование в безусловных, рационалистически трактуемых ориентирах культуры* (в том числе в доминирующей роли науки и научного знания) и *склонность к мозаичному, калейдоскопическому и плюралистическому видению мира и места человека в нем, акцент на относительности, исторической обусловленности познавательных ценностей и результатов*» [НФЭ 2001] (выделено мною. – В.К.). Как считают некоторые философы, в результате дискуссий «развеялась последняя иллюзия позитивизма [убеждение в том, что должна существовать одна общепризнанная методологическая концепция. – В.К.] и вместе с тем закончился этап постпозитивизма. Философия науки свелась к обсуждению отдельных методологических проблем» [ФЭС 2004]. Однако нельзя не согласиться и с тем, что указанное изменение установок «безусловно <...> не является ни всеох-

ватным, ни необратимым; критический анализ связанных с ним процессов является необходимым условием дальнейшего развития философии науки» [НФЭ 2001].

В свете сказанного вполне закономерной видится предложенная еще в 1989 г. и получившая сегодня значительную популярность концепция В.С. Степина (см., напр., [Степин 2009]). Идея философа о трех типах рациональности основана на детальном изучении истории науки и истории философии науки и позволяет выстроить триаду: «классика – неклассика – постнеклассика». Как считает исследователь, «критериями типов рациональности выступают: 1) особенности системной организации исследуемых объектов и типов картины мира; 2) особенности средств и операций деятельности, представленных идеалами и нормами науки; 3) особенности ценностно-целевых ориентаций субъекта деятельности и рефлексии над ними, выраженные в специфике философско-мировоззренческих оснований науки» [Степин 2009]. Так, например, «для освоения объектов, организованных как простые системы, достаточно классической рациональности. Неклассический тип рациональности обеспечивает освоение сложных саморегулирующихся систем, постнеклассический – сложных, саморазвивающихся систем» [Там уже]. При этом, по мнению философа, третья рациональность, по определению требующая «холистских и интегральных подходов», – «постнеклассика» – начала формироваться именно в конце XX-го века [Указ.соч.] (см. также [Степин ЭР]).

Именно в это время – в последней четверти XX-го века – формируется широкое явление, охватывающее разные сферы бытия человека (в том числе и научную деятельность) и, как кажется, изначально лишённое проблем, о которых говорила философия науки, – постмодернизм. «**Постмодернизм** (фр. postmodernisme) – широкое культурное течение, в чью орбиту в последние два десятилетия XX в. попадают философия, эстетика, искусство, наука. <...> Выходящая за рамки классического логоса постмодернистская эстетика принципиально антисистематична, адогматична, чужда жесткости и замкнутости концептуальных построений. Ее символы – лабиринт, ризома» [ФЭС 2004].

Трудно не согласиться с тем, что данная «(пост)неклассическая» установка гораздо в большей степени, нежели любое направление научной мысли, базирующееся на сугубо позитивистских идеях, соответствует упоминавшимся ранее требованиям многоаспектного и плюралистического видения мира и человека и признанию необходимости относительности и адогматичности научных концепций. Более того, крайне важной для современного мира (в том числе и для мира науки) является ключевая концепция постмодернизма – концепция интертекстуальности (см., напр., [Кристева 2004; Пьеге-Гро 2008]), выдвинутая Ю. Кристевой в 1967 г. в статье «Бахтин, слово, диалог и роман».

Казалось бы, все это – «именно то, что нужно». То, что полностью отвечает «вызовам нашего времени». Но все ли так просто? Думается, что нет. Обратимся еще раз к философам: «Постмодернистское умонастроение несет на себе печать разочарования в идеалах и ценностях Возрождения и Просвещения с их верой в прогресс, творчество разума, безграничность человеческих возможностей. Общим для различных национальных вариантов постмодернизма можно считать его отождествление с эпохой “усталой”, “энтропийной” культуры, отмеченной эсхатологическими настроениями, эстетическими мутациями, диффузией больших стилей, эклектическим смешением художественных языков. Авангардистской установке на новизну противостоит здесь стремление включить в современное искусство весь опыт мировой художественной культуры путем ее ироничного цитирования» [ФЭС 2004]. Нет ни малейших сомнений, что все это замечательно «работает» в мире искусства. Но подходит ли это науке? Думается, что не очень.

Почему? Потому что, на мой взгляд, при всех неудачах и разочарованиях, при понимании всевозможных ограничений (современной) науки, при признании того, что не все сегодня может быть наукой объяснено, описано и даже просто выявлено, едва ли вышеописанное «умонастроение» может быть характерной чертой науки как таковой (**не объекта**, изучаемого наукой, **а самой науки**).

Если бы наука стояла на изначально эсхатологических позициях, то было бы в принципе возможно ее развитие? Это собственно вопрос, в первую очередь адресованный, вероятно, историкам и философам науки. Но я для себя отвечаю на него скорее отрицательно. Если бы наука при всех сомнениях и определенном скептицизме не стремилась в конце концов к объяснению мирооснов (конечно, это не исключает эсхатологичности, но, на мой взгляд, никоим образом ее не предопределяет и ею не предопределяется), то вряд ли бы мы сегодня имели то, что имеем. Подобное же объяснение (объяснение мирооснов) по определению, на мой взгляд, требует определенной холистичности мировоззрения. (Замечу, что принцип холизма (внутренней целостности объектов) лежал еще «в основе структурализма как конкретно-научного метода» [Косиков 2000: 5].) Сегодня же мы говорим о целостности не только отдельных объектов, но и мира в целом, хотя опять-таки замечу, что эта идея далеко не нова: вспомним, к примеру, идею М. Хайдеггера о «мире, понятом как картина» (см.: «Картина мира, сущностно понятая, означает, таким образом, не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина. Сущее в целом берется теперь так, что оно только тогда становится сущим, когда поставлено представляющим и устанавливающим его человеком. Где дело доходит до картины мира, там выносятся кардинальное решение относительно сущего в целом. Бытие сущего ищут и находят в представленности сущего» [Хайдеггер ЭР]).

Исходя из этого, со всей определенностью можно утверждать, что наука (в отличие, например, от искусства) **не может не быть системной** по природе своей. Конечно, есть гуманитарные дисциплины, которые в значительной степени соответствуют тому, что в англоязычной, например, традиции называется *Arts* в противопоставлении с собственно *Science* (однако замечу, что в немецком, например, языке гуманитарные дисциплины определяются именно как науки: *Geisteswissenschaften*). И здесь многое зависит уже от позиции самого исследователя: если кто-то считает себя представителем *Arts*, то тогда возможны и асистемность, и даже антисистемность, и многое другое. Но если исследователь позиционирует себя как представителя науки (*Science, Wissenschaft*), то тогда ни асистемность, ни тем более антисистемность невозможны.

Конечно, нельзя не согласиться с тем, что существует целый ряд отличий (и подчас принципиальных) гуманитарных дисциплин от того, что традиционно называют естественно-научным знанием. Например, П. Серио пишет: «Гуманитарные науки, хорошо это или плохо, значительно отличаются от точных. Так, по мнению Томаса Куна [одного из ведущих представителей постпозитивизма. – В.К.], как только новая парадигма приходит на смену старой, старая парадигма более не имеет шанса на существование в рамках “нормальной науки”. Известно, например, что гелиоцентрическая модель Коперника заменила геоцентрическую модель Птолемея. В лингвистике, напротив, ничего подобного не происходит. Новая теория никогда не “фальсифицирует” старую [намек на (постпозитивистский) фальсификационизм К. Поппера? – В.К.]. Скорее уместнее говорить о возникновении различных центров интересов, но не о перевороте во внутреннем устройстве унифицированной науки. Генеративная грамматика Хомского не привела к исчезновению сравнительно-исторической грамматики, обе грамматики могут благополучно сосуществовать на факультете общей лингвистики одного и того же университета. В качестве возможного общего предмета для дискуссий между приверженцами каждой из них можно было бы указать признание достижений каждой, но никак не утверждение окончательной научной *истинности* одной из них, предполагающее консенсус всего научного сообщества» [Серио 2011: 30] (курсив оригинала. – В.К.).

Соответственно, возникают вопросы, на которые каждый исследователь дает ответ сам для себя. Например, такие. 1) Принадлежат ли гуманитарные науки (в данном случае мы говорим в первую очередь о лингвистике) к числу «точных» и – совсем уже провокационно – являются ли они науками в прямом смысле этого слова? Для меня, как для лингвиста, ответ скорее «да», нежели «нет» (см. опять же *Geisteswissenschaften*, а также, напр., *cognitive science* (см., напр., [Лакофф 2004: 9]) и *cognitive sciences* (см., напр., [Rosch ЭР]) по отношению к гуманитарной сфере: лингвистике, культурантропологии, когнитивным исследованиям и под. 2) Если мы склоняемся к положительному ответу на первый вопрос, то со всей очевид-

ностью встает следующий: характерен ли «отказ» от прежних теорий / парадигм, о котором пишет П. Серิโอ применительно к «точным» наукам, для науки гуманитарной? В данном случае ответ для меня однозначно отрицательный (здесь трудно не согласиться с П. Серิโอ): сосуществование разных парадигм на одном «поле» и – более того – опора на достижения предшественников являются, на мой взгляд, естественно необходимым условием дальнейшего развития гуманитарного знания, которое при этом не перестает (для меня, по крайней мере) быть наукой по природе своей. С моей точки зрения, в области (не-постмодернистской) науки – в отличие от постмодернизма (в искусстве, например) с его тяготением к «ироничному цитированию» – «ерничеству» и «стеб», вероятно, допустимы как стилистический прием, но едва ли могут рассматриваться как некая аргументация в серьезном научном споре. Что касается иронии, то она скорее выступает / приветствуется как самоирония (многие исследователи руководствуются призывом барона Карла Фридриха Иеронима фон Мюнхгаузена, сформулированным Г. Гориним: «Умное лицо еще не признак ума. Все самые большие глупости на свете делались именно с этим выражением лица... Улыбайтесь, господа!»); не могу не вспомнить в связи с этим серьезнейшего исследователя, глубокого мыслителя и интереснейшего человека – Ю.А. Сорокина, стоявшего, как мне кажется, именно на этих позициях). При этом даже самым «ультрасовременным» авторам научных изысканий (напомним: мы говорим о гуманитарном знании) свойственно стремление соблюсти требование вписать свое исследование в широкий научный контекст, опереться на предшественников и современников (даже при аргументированном несогласии с ними), сослаться на работы других авторов и под. Так мы подходим к уже упоминавшейся проблеме интертекстуальности.

Итак, что касается интертекстуальности, то это очень большой и очень сложный вопрос. Когда возник сам феномен интертекстуальности? В чем интертекстуальность конкретно проявляется и воплощается? Как соотносятся между собой интертекстуальность и воспроизводимость? В чем разница и есть ли она между интертекстуальностью и прецедентностью? Где граница и есть ли она между интертекстуальностью и цитированием? И, наконец, можно ли говорить о собственно интертекстуальности в научном дискурсе? И т.д., и т.п. Это опять-таки собственно вопросы. Но в данном случае адресованные всем нам.

В этой связи мы можем упомянуть тот факт, что сегодня ни одна научная работа (по крайней мере в гуманитарной сфере) не может быть воспринята как серьезный труд, если в ней нет ссылок на предшественников и современников, занимавшихся / занимающихся рассматриваемыми вопросами. Если продвинемся чуть далее в глубь истории, то мы не сможем не признать, что в советское время для любой научной публикации были обязательными ссылки на / цитаты из классиков марксизма-ленинизма. Если заглянем еще дальше, то мы вынуждены будем сказать, что, например, средневековые европейские авторы (о китайской, индийской, арабской и др. традициях я сейчас не говорю, во-первых, будучи ограниченной рамками жанра статьи, во-вторых, понимая свою недостаточную компетентность в данном вопросе, но в целом не могу не отметить, что требования, о которых мы сейчас говорим, в данных традициях проявлялись, мягко говоря, не в меньшей степени) обязаны были следовать требованиям (кстати, разных жанров), касающимся обязательного воспроизведения созданных ранее, санкционированных и зачастую сакральных произведений. Как мы должны рассматривать подобные случаи: как цитирование, как воспроизводимость, как интертекстуальность?..

После такого пространного отступления вернусь непосредственно к заявленной в названии статьи теме и выскажу несколько принципиально важных для меня соображений.

Во-первых, совершенно очевидно, что философия науки касается в той или иной степени всех сфер научного знания независимо от основного объекта научных изысканий. Следовательно, обсуждавшиеся вопросы имеют самое непосредственное отношение и к тем проблемам, которыми занимается наука гуманитарная (достаточно упомянуть в этой связи смену научных парадигм в филологической науке: см. «эпохи» формализма, структурализма, постструктурализма...).

Во-вторых, сегодня мы не можем игнорировать «вызовы нашего времени»: сложный, многомерный, многокомпонентный, мозаичный, калейдоскопический, но тем не менее единый и целостный объект исследований, который по определению требует, с одной стороны, множественности подходов и плюралистичности мнений, а с другой – холистичности и системности изучения и описания.

В-третьих, развитие науки, равно как и развитие духа, несмотря ни на какие научные, философские, этические, эстетические и под. идеи и воззрения, господствующие «здесь и сейчас», все равно невозможно остановить: до тех пор, пока есть Человек, разговоры о его «неизменности» и «изменчивости» / воспроизводимости и трансформируемости неизбывны, споры о его месте и роли в мире неостановимы, дискуссии о способах, методах, методологии познания, осмысления, формирования знания и под. непреходящи и необходимы (иначе Человек – человек познающий, человек думающий, человек разумный – перестанет быть таковым).

Соответственно, сегодня, вероятно, можно (нужно?) говорить о новом этапе в развитии научной мысли (по крайней мере – в области гуманитарного знания, о котором мы сейчас и говорим) – этапе **неопостпозитивизма**. Совершенно очевидно, что он самым непосредственным образом соотносится с уже упоминавшейся постнеклассикой, о которой философия науки говорит применительно ко всем сферам и отраслям научного знания [Степин 2009].

Дать сегодня четкую дефиницию данному явлению / понятию едва ли представляется для меня возможным: я скорее чувствую и пытаюсь осмыслить новую научную реальность (опять-таки в сфере в первую очередь гуманитарных наук), нежели могу ее «пуристически» (в лучшем смысле этого слова – четко, ясно, однозначно, кристально...) определить. Взав, надеюсь, все лучшее от предшественников (от всех позитивистских «этапов» – собственно позитивизма, нео- и постпозитивизма, от постмодернизма и др.), неопостпозитивизм базируется на следующих постулатах:

1) **современный объект современных научных исследований** (который мы продолжаем строить, как неоднократно говорила в личном общении В.Н. Телия) **не может быть «атомарным»**, т. е. он не может быть оторван от широкого историко-социо-культурного контекста и должен рассматриваться не сам по себе, но только с учетом данного контекста и на его фоне;

2) **современные исследования должны носить холистический характер**, т. е. должны быть цельными и системными сами по себе, с одной стороны, с другой – должны рассматривать свой объект как единый и цельный (и с точки зрения каждого отдельного предмета исследований, и с точки зрения совокупности таковых), но вместе с тем многокомпонентный, мозаичный и калейдоскопический, хотя и внутренне связанный (т. е. опять-таки единый и цельный);

3) при этом **признается как множественность и многоаспектность самого объекта, так и плюралистичность мнений разных исследователей** – представителей разных школ и наук, изучающих данный объект с различных точек зрения;

4) **изучение современного объекта исследований** (учитывая его сложность и многоаспектность) **в рамках и с позиции разных наук признается естественным продолжением развития человека** (его духовного, интеллектуального, научного развития) **и жизненно (для науки и самого человека) необходимым условием его бытия**; это связано с тем, что различные (в том числе – специальные) дисциплины предоставляют разнообразные данные, а само взаимодействие разных дисциплин является важным источником новых знаний и основой обнаружения / построения новых объектов исследования;

5) подобное **взаимодействие и интегрирование разных** (в том числе – специальных) **дисциплин предопределяет дальнейшее развитие науки как таковой** [Красных 2017-а].

Исходя из всего сказанного, представляется необходимым (вслед за В.Н. Телия) утверждать, что **современная наука** (как минимум, гуманитарная), учитывающая сложнейшее

взаимодействие и взаимовлияние языка, культуры, сознания, **сталкивается с необходимостью построения нового объекта исследований, который характеризуется, с одной стороны, более широким масштабом** (обуславливающим расширение границ исследовательских полей и выход за пределы отдельных «узковедомственных» научных изысканий), **с другой стороны, значительным уплотнением** (обусловленным по определению невозможностью излишней широты и «безразмерности»). Данное положение вещей естественно требует разработки новых подходов сугубо интегративного (интегрального) и холистического (холистского) характера.

Что же это за новый объект научных исследований, о котором мы говорим? Его можно определять по-разному. Не могу и не имею права говорить за все науки, но в области науки филологической, как минимум – лингвистической, этот объект – *человек говорящий / Homo Loquens* (напомню, что говорилось ранее в данной статье о новой научной парадигме). Как сегодня может рассматриваться этот феномен? Постараюсь его определить, опять-таки не претендуя на «истину в последней инстанции» (хотя, как мне кажется, я приняла не последнее участие в формировании соответствующего понятия – см., напр., [Красных 1997, 1998]).

Итак, человек говорящий – личность, одним из видов деятельности которой является деятельность речевая. Он есть **объект** языка, культуры, лингвокультуры (о феномене лингвокультуры см., напр., [Красных 2013-а]), сообщества, коммуникации, т. к. он формируется как личность, как носитель сознания, как полноправный член некоторого сообщества именно в коммуникации, впитывая в себя культуру данного сообщества с помощью (в том числе) языка данного сообщества, осваивая, усваивая и присваивая себе его лингвокультуру. Вместе с тем он и **субъект** языка, культуры, лингвокультуры, коммуникации, т. к. он есть носитель сознания, человек-личность, находящийся в непрерывном процессе коммуникации, «сплетающийся внутри себя» (говоря уже приводившимися словами В. фон Гумбольдта [Гумбольдт 2000]) язык, культуру и лингвокультуру и «вплетающийся себя» в язык, культуру и лингвокультуру. Исходя из сказанного, можно утверждать, что многомерность бытия человека (кстати, не только XXI века) и многомирие (см., напр., [Гапченко ЭР; Буссо, Полчинский ЭР]) с позиций гуманитарных наук могут быть описаны в терминах неразрывного, но и неслиянного единства **«человек – сознание – язык – культура – лингвокультура – коммуникация – сообщество»**.

Часть II. Новые науки о человеке говорящем

Какие же науки занимаются сегодня (в той или иной степени) спектром обозначенных феноменов и «кустом» связанных с ними проблем? И как с позиций данных научных дисциплин может рассматриваться изначальный / традиционный / «классический» / «вневременной» объект, «тенью отца Гамлета» стоящий за любым филологическим исследованием, – язык? (Об этом см. также [Красных 2013-б, 2015-б].) Последний вопрос представляется крайне важным по нескольким причинам. Во-первых, как уже говорилось, новый объект современных филологических изысканий – *человек говорящий*, т. е. личность, во многом формируемая языком и с помощью языка, реализующая себя в своей повседневной (как минимум), а также профессиональной, духовной и т. д. деятельности через язык и с помощью языка. А во-вторых, совершенно очевидно, что начальной точкой для филолога было и остается *слово* (вспомним Л. Ельмслева, писавшего, что именно текст получает лингвист в качестве отправного материала исследований [Ельмслев ЭР]), и *слово* же оказывается и финальной точкой в исследовании, ибо *слово / язык* есть для филолога своеобразное «мерило всего»: от него мы отталкиваемся в изучении других объектов и предметов и к нему же приходим, проверяя адекватность своих выводов. Иначе говоря, сегодня филология естественным образом выходит на особое поле исследований, где в фокусе внимания оказываются феномены не собственно языковой (в том числе, а возможно, и в первую очередь лингвокогнитивной) природы, в которых неразрывно спаяны *слово* (в самом широком смысле) и воплощен-

ное в нем *знание* (в философском, историко-культурологическом понимании; см., напр., у Я. Ассмана [Ассман 2004]) (см. подробнее [Красных 2013-а; 2014]). Думаю, нет необходимости говорить, что это поле, относительно новое для широкого круга филологов, изначально разрабатывалось и «возделывалось» отечественной психолингвистикой, с рассмотрения которой мы и начнем краткий обзор некоторых современных научных дисциплин, характеризующихся интегративным характером (интегральностью) и холистичностью.

1. Психолингвистика (ПЛ).

В рамках ПЛ язык рассматривается как **сущность, опосредующая процессы познания и осмысления, в которой явлено (языковое) сознание как таковое.**

При таком подходе язык является связующим звеном между индивидом / личностью и социумом / сообществом (о чем писал еще В. фон Гумбольдт). Он предстает как канал двунаправленной трансляции знаний: от общественного сознания индивидуальному (напр., при межпоколенной трансляции культуры в процессе социализации) и от индивидуального – общественному или другому индивидуальному. Помимо этого, он выполняет функцию инструмента, с одной стороны, социализации (становления личности), происходящей в процессе общения в рамках определенного сообщества в условиях определенной культуры, с другой – реализации личности в совместной деятельности с другими (будучи используемым для овнешнения индивидуальных образов сознания, для «одевания» бессловесной мысли, формируемой говорящим в начале высказывания, в слово при производстве речи) [Тарасов 2004: 35]). Данные представления, являясь изначально собственно психолингвистическими, характерны также и для дисциплин, из ПЛ выросших, – этнопсихолингвистики и неопсихолингвистики (см. далее).

Данный подход своими корнями уходит в труды психологов и психолингвистов (Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Н.И. Жинкина, А.Р. Лурия, А.А. Леонтьева, И.Н. Горелова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой и др.). Напомню, что для Л.С. Выготского и, вслед за ним, для А.Н. Леонтьева сознание имеет языковую, речевую природу: «Иметь сознание – владеть языком. Владеть языком – владеть значениями. Значение есть единица сознания (имеется в виду языковое, вербальное значение). Сознание при этом понимании является знаковым» [Леонтьев 1994: 16]. Ср. с утверждением Поля Рикера: «... язык является по существу системой значений; он не может не означать что-либо, и все его существование заключается в значении» [Рикер 1995: 51], а также с идеей Г. Гийома о том, что «язык овеществляет ментальное» [Гийом 1992: 71].) Вслед за Л.С. Выготским и А.Н. Леонтьевым, А.А. Леонтьев также утверждал, что сознание человека является по сути своей *языковым* (см., напр., [Леонтьев 1993]); при этом, как пишет И.А. Зимняя, «языковое сознание – это форма существования индивидуального, когнитивного сознания человека разумного, человека говорящего, человека общающегося, человека как социального существа, как личности» [Зимняя 1993: 51]. Сегодня многие психолингвисты, опираясь на труды Е.Ф. Тарасова, определяют языковое сознание как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств» (см., напр., [Тарасов 1993, 2004: 41]).

В связи с этим следует привести утверждение А.А. Леонтьева: если язык понимается как единство общения и обобщения, как система значений, выступающих как в предметной, так и в вербальной форме существования, то языковое сознание, т. е. сознание, рассматриваемое как опосредованное значениями (см., напр., [Леонтьев 1993]), оказывается близким к пониманию образа мира в современной российской психологии – понятию, предложенному и разработанному А.Н. Леонтьевым (см., напр., [Леонтьев 1983]). При этом важно, что для А.Н. Леонтьева образ мира как универсальная форма организации знаний индивида есть интегративное отражение в сознании окружающей действительности, важнейшими свойствами которого являются амодальность и многомерность, субъективность и объективность. Последняя обуславливается в частности тем, что познание человеком действительности опосредовано единой для всех представителей сообщества, усваиваемой в процессе социализа-

ции системой значений. См.: «Ведь в отличие от бытия общества, бытие индивида не является “самоговорящим”, т. е. индивид не имеет собственного языка, вырабатываемых им самим значений; осознание им явлений действительности может происходить только посредством усваиваемых им извне “готовых” значений – знаний, понятий, взглядов, которые он получает в общении, в тех или иных формах индивидуальной и массовой коммуникации. Это и создает возможность внесения в его сознание, навязывания ему искаженных или фантастических представлений и идей, в том числе таких, которые не имеют никакой почвы в его реальном, практическом жизненном опыте» [Леонтьев 1975]. Отмечу, что данные идеи А.Н. Леонтьева во многом предопределили формирование отдельной научной дисциплины – этнопсихолингвистики.

2. Этнопсихолингвистика (ЭПЛ).

В рамках ЭПЛ **язык**, будучи (в том числе) хранилищем значений (напомню, что с точки зрения психологии, ПЛ, ЭПЛ значение – достояние коллективное), рассматривается как **сущность, опосредующая процессы познания и осмысления, в которой явлено (языковое) сознание личности как представителя определенного сообщества, определенной культуры.**

ЭПЛ изучает в первую очередь культурно-маркированные, культурозависимые и культурно обусловленные черты языковых сознаний, как правило, путем выявления, изучения, описания ядер таковых (см., напр., [Уфимцева 2009-а, 2009-б, 2009-в, 2013, 1996, 1998, 2000, 2011, 2017]), а также «этнопсихолингвистическую детерминированность», как писал А.А. Леонтьев [Леонтьев 1997], не только языкового сознания, но и речевой деятельности и коммуникации. По мнению Н.В. Уфимцевой, «центральной проблемой» ЭПЛ в соответствии с «новой методологической базой для этнопсихолингвистических исследований», которая начала формироваться в Московской психолингвистической школе с начала 90-х годов, является «исследование этнокультурной специфики языкового сознания», и сама ЭПЛ фокусируется на изучении образа мира и его изменениях «от одной культуры к другой» [Уфимцева 2000]. При этом объектом ЭПЛ может быть признан «образ мира как основополагающая компонента культуры», предметом – «сознание носителей той или иной этнической культуры, которое в силу своей недоступности прямому изучению может изучаться только через различные формы своего овнешнения», например, через языковое сознание, являющееся одной из таких форм и предстающее как «опосредованный языком образ мира той или иной культуры» [Указ. соч.].

3. Неопсихолингвистика (НПЛ).

В рамках НПЛ **язык** рассматривается как **сущность, опосредующая индивидуальные процессы познания и осмысления, в которой явлено (языковое) сознание отдельной личности.**

Как пишет И.А. Бубнова, НПЛ, или психолингвистика личности, «как область психолингвистики, направленная на исследование *индивидуального образа мира* с позиций взаимодействия, с одной стороны, живых, функционирующих культурных систем, а с другой – систем социальных, с учетом того факта, что и те, и другие преломляются через индивидуальность их каждого отдельного представителя является, по нашему мнению, весьма перспективным направлением, так как развиваемый подход выводит нас на решение комплексной проблемы содержания *образа мира личности*, эксплицированного в *языковом сознании* человека как биологического существа, одновременно члена многочисленных социальных групп и определенного лингвокультурного сообщества» [Бубнова 2017: 111] (выделено в тексте оригинала – В.К.). Эта научная дисциплина «изначально фокусируется на человеке как представителе этноса и различных социальных групп, с одной стороны, и индивидуальности как производной от субъективно-личностного способа осмысления действительности и выработанной в ходе данного процесса системы ценностей – с другой. В центре ее интересов, соответственно, оказывается образ мира отдельной личности, формирующийся в про-

цессе различных видов деятельности человека в обществе и его рефлексии над своим бытием. Если же определять стоящие перед исследователями конкретные задачи, то в качестве основной можно назвать выявление отраженного в сознании человека реального мира как результата когнитивной обработки полученных им из внешнего окружения данных» (см. [там же]). И очень важно отметить то, что неопсихолингвистика способна «приблизиться к решению главной проблемы неклассической и постнеклассической науки – проблемы понимания в самом широком смысле этого слова: понимания человеком самого себя, другого человека, другого народа и окружающего его мира» (см. [там же], а также [Бубнова 2014; 2016; 2017]).

4. Лингвокультурология (ЛК).

В рамках ЛК язык рассматривается (в первую очередь) как **система тел знаков для знаков языка культуры**.

С точки зрения ЛК язык не может являться ни «звеном», ни «каналом», поскольку в данном случае речь идет о двух (а не о трех и более) одинаково значимых для личности феноменах: о языке как таковом и о культуре как таковой (см.: В.Н. Телия определяла лингвокультурологию как «науку о живодействующей связи языка и культуры»). При этом язык выполняет функцию (воспользуясь выражением Е.Ф. Тарасова) «овнешнителя» смыслов, (по В.Н. Телия) «значимых для культуры».

Данная самостоятельная научная дисциплина, как уже неоднократно писалось и говорилось вслед за В.Н. Телия, изучает «прежде всего живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа» [Телия 1996:218]. Она «ориентирована на изучение корреспонденции языка и культуры в их синхронном взаимодействии. <...> Ее цель – то, что можно назвать обыденной картиной мира, представленной в повседневной речи носителей языка и имеющей “фундамент” и корреляции в различных дискурсах (литературном, философском, религиозном, фольклорном и т. д.) и в разных (при этом не только в вербальном) текстах культуры» [Опарина ЭР].

В.Н. Телия, к трудам которой в первую очередь восходит ЛК, начала задумываться над проблемами, которые мы сегодня назвали бы лингвокультурологическими, еще в 80-е годы (см., например, [Телия 1986, 1987, 1988-а, 1988-б]), а в 90-е опубликовала важнейшие для кристаллизации лингвокультурологии работы (см., например, [Телия 1995, 1999-а, 1999-б] и фундаментальный труд, являющийся, на мой взгляд, своеобразным манифестом этой науки [Телия 1996]). Многие идеи В.Н. Телия, изложенные в указанных работах, а также в [Телия 2002, 2005, 2006] разрабатываются сегодня не только представителями ее научной лингвокультурологической школы, но и единомышленниками из смежных областей, и развиваются в отдельные научные направления (речь идет, напр., о теолингвокультурологии, когнитивной лингвокультурологии, психолингвокультурологии – см. далее).

В основе указанного понимания роли и функции языка лежит утверждение наличия двух самостоятельных семиотических систем: естественного человеческого языка и культуры, – каждая из которых обладает своим собственным «языком» (кодом, системой знаков, обладающих смыслом). При этом знаками языка культуры (по В.Н. Телия) могут быть признаны ритуалы, концепты, стереотипы и под. Знаки языка культуры могут иметь разное воплощение: в действиях, артефактах и под. (ср. с идеями Е.Ф. Тарасова, высказываемыми, напр., в [Тарасов 2004]). Но чаще всего они оязыковываются, т. е. воплощаются в знаках именно языка. Следовательно, в рамках лингвокультурологии знаки языка рассматриваются с точки зрения тех культураносных смыслов, которые они (языковые единицы) несут в дополнение к своим лексическим значениям. Иначе говоря, знаки языка рассматриваются как тела знаков языка культуры (по В.Н. Телия; см., напр., [Телия 2006]).

5. Теолингвокультурология (ТЛК).

В рамках ТЛК **язык** также понимается как **система тел знаков для знаков языка культуры**, при этом **и язык, и культура** (как и в ЛК) не являются автономными, «самодостаточными величинами», но **рассматриваются «в максимально широком контексте взаимосвязи Бога, мира и человека»** [Постовалова 2016-а].

Основоположником данного направления является В.И. Постовалова, на протяжении многих лет исследующая «интегрирование теологического знания в мировоззрение и культуру», которое «находит свое выражение и в науке о языке» [Постовалова 2012] (см. также, напр., [Постовалова 1995, 2016-б]).

Еще в конце XX в. В.И. Постовалова отмечала, что «обращение к теме человеческого фактора в языке свидетельствует о переходе от лингвистики “имманентной” с ее установкой рассматривать язык “сам в себе и для себя” к лингвистике антропологической, предполагающей изучать язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно практической деятельностью» [Постовалова 1988: 8]. При этом она неоднократно подчеркивала, что «характерную черту познания нашего времени составляет установка» [Постовалова 2012] и «ориентация на переход от позитивного знания к глубинному на путях целостного синтетического постижения языка как антропоцентрического феномена» [Постовалова 1999: 25]. Реализация указанной тенденции проявляется, по мнению исследователя, в «создании комплексных (синтетических) дисциплин по изучению языка в тесной связи с фундаментальными сторонами человеческого бытия – сознанием, культурой и духовной жизнью человека, рассматриваемыми в их лингвистическом преломлении» [Постовалова 2012].

В данную парадигму прекрасно вписываются и теолингвистика, и теолингвокультурология как современные науки интегративного (синтетического) характера, рассматривающие «живодействующую взаимосвязь» (по В.Н. Телия) указанных феноменов сквозь призму *homo religious*.

И если теолингвистика как «новая синтетическая теолого-лингвистическая дисциплина», возникшая «на стыке теологии (богословия), религиозной антропологии и лингвистики» и «направленная на изучение взаимосвязи и взаимодействия (интеракции) языка и религии» [Постовалова 2012], имеет уже некоторую историю (см., например, фундаментальную статью В.И. Постоваловой об этой науке: [Указ. соч.]), то ТЛК – наука абсолютно новая, рождающаяся, если угодно, на наших глазах. И несмотря на это, уже сегодня, по мнению исследователя, можно говорить о некоторой «структуре» (системе – ?), образуемой лингвокультурологическими дисциплинами: с одной стороны, в рамках лингвокультурологии выделяется конфессиональная ТЛК, в состав которой входит ТЛК православно-христианская, с другой – общая лингвокультурология может включать в себя ТЛК как самостоятельную научную дисциплину [Постовалова 2016-а]. При этом В.И. Постовалова особо подчеркивает, что «при любом варианте реализации антропологической парадигмы в лингвокультурологии *остаётся в силе основной методологический постулат*, согласно которому все важнейшие феномены из мира существования языка и культуры должны рассматриваться не автономно как самодостаточные величины, но в антропологической перспективе, в контексте человека и его жизненного мира. А в случае теолингвокультурологии – в трансцендентной перспективе, в максимально широком контексте взаимосвязи Бога, мира и человека» [Указ. соч.] (выделено мною. – В.К.).

6. Когнитивная лингвокультурология (КЛК).

В рамках КЛК **язык** также рассматривается как **система тел знаков для знаков языка культуры**, но **с учетом и сквозь призму лингвокреативности, перцепции** и под.

Данное направление, также уходящее корнями в научное наследие В.Н. Телия и активно формируемое сегодня И.В. Зыковой, имеет в фокусе внимания когнитивные механизмы лингвокреативности и макрометафорические концептуальные модели, выявляемые и разрабатываемые в первую очередь на фразеологическом материале английского и русского языков (см., напр., [Зыкова 2016]). Как пишет сам автор, «в рамках изучения *фразеологиче-*

ской креативности именно макрометафорическая концептуальная модель становится основным фокусом исследования» [Указ. соч.: 142] (разбивка оригинала. – В.К.).

Фразеологический образ в рамках разрабатываемого И.В. Зыковой подхода рассматривается как вместилище культурных смыслов / культурной информации. При этом выявляются основные формы (или модусы) переживания (эмоционально-чувственное, душевное, эстетическое) и осмысления мира (архетипическое, мифологическое, религиозное, философское, научное), что позволяет реконструировать исторические смысловые / информационные слои фразеологического образа (см., например, [Зыкова 2013]).

Не менее (а может быть, и более) важным для рассматриваемого направления является понятие *концептосферы культуры*, которое, исходя из идеи В.Н. Телия о необходимости сформировать некое «холистическое» понятие, которое объединило бы язык, культуру и человека, И.В. Зыкова утверждает на роль «базисного понятия» (когнитивной) лингвокультурологии [Зыкова 2015-а: 20]. Напомню, что В.Н. Телия рассматривала *концептосферу культуры* как «особый, отличный от естественного языка семиотический симбиоз, который складывается из нескольких ее предметных областей – культуры материальной – всей совокупности артефактов, несущих наряду с функционально-“вещным” их бытием надличностный культурный смысл, из плодов социального и духовного самосознания человека как личности в микро- и макрокосмосе, которые сформировались на основе “коллективных представлений” (по Л. Леви-Брюлю)» [Телия, Дорошенко 2008: 210]. Творчески развивая идеи В.Н. Телия, углубляя и уточняя это понятие, И.В. Зыкова определяет данный феномен как «сложнейшее системное образование, создаваемое из ценностной информации, которая вырабатывается в результате познания неким сообществом (как коллективом личностей) действительности, т. е. в результате определенных форм переживания и осмысления этим сообществом в целом и каждым отдельным его представителем мира во всем его многообразии, и которая получает при этом определенную концептуальную оформленность (упорядоченность) и воплощение в невербальных знаках самой разной природы, составляющих различные и взаимосвязанные семиотические области культуры» [Зыкова 2015-а: 21] (см. также [Зыкова 2014, 2015-б]). При этом «признавая существование одной базовой концептосферы – концептосферы культуры», исследователь утверждает, что «ее бытование, развитие и функционирование немислимо без ее главного актора – *творящей (созидающей) личности* и главного “хранилища” ее ценностного содержания – *естественного языка*» [Зыкова 2015-а: 21] (выделено в оригинальном тексте. – В.К.). И здесь мы опять подходим к феномену лингвокреативности, точнее – фразеокреативности, в терминах И.В. Зыковой, изучение которой видится одной из главных задач когнитивной лингвокультурологии. Еще одной важнейшей проблемой данного направления является и изучение перцепции в сфере фразеологии [Зыкова 2017].

7. Психолингвокультурология (ПЛК).

В рамках ПЛК **язык** рассматривается как **означающее (семантики) лингвокультуры**. Это **язык культуры** того сообщества (сообществ), членом которого (которых) является человек; это 1) **означающее** сознания / языкового сознания / образа (образов) мира, культуры и лингвокультуры; 2) (основной, но не единственный) **инструмент**: а) **социализации личности** и **формирования** человека говорящего, б) **формирования** сознания / языкового сознания / образа (образов) мира; 3) (основной, но не единственный) **инструмент и канал трансляции культуры** (как «вертикальной», межпоколенной, так и «горизонтальной», между современника и – представителями разных культур); 4) основной **инструмент формирования** и основной **канал** (в первую очередь «вертикальной») **трансляции лингвокультуры**.

При таком подходе язык – это связующее звено между личностью как носителем сознания и культурой как объектом распределенного индивидуумом. По сути, это канал выхода на поле культуры через пространство лингвокультуры. Язык выполняет функцию инструмента означивания / овнешнения культурноносных смыслов, значимых как для культуры в целом, так и для отдельной личности, ибо благодаря языку они (смыслы) явлены индивидуальному

сознанию в виде конкретных образов. Кроме того, это и инструмент познания и осмысления окружающего мира сквозь призму определенной культуры, являющейся родной для конкретного индивида.

ПЛК – это новое, складывающееся в наши дни направление научных исследований, посвященное изучению «живодействующей связи» (по В.Н. Телия) языка, культуры, сознания сквозь призму человека говорящего (впервые об этом, тогда еще потенциально возможном и необходимом, направлении было сказано в 2002 г. [Красных 2002]; подробнее см. [Красных 2016-б]). Это направление сформировалось благодаря интеграции в первую очередь лингвокультурологических и (этно)психолингвистических исследований. Объектом данного научного направления является лингвокультура, базовой категорией которой является именно человек говорящий (вспомним идею В.Н. Телия, что базовой категорией культуры как таковой является человек-личность), предметом ПЛК можно признать грамматику и словарь лингвокультуры [Красных 2011, 2013-а].

Истоки этого направления также можно обнаружить в идеях В.Н. Телия, которая в течение многих десятилетий находилась в поиске, стремясь нащупать, выявить, описать конкретные связи языка, культуры и сознания, что нашло свое отражение в том числе в защищенной под ее руководством кандидатской диссертации С.В. Кабаковой «Образное основание идиом: психолингвокультурологические аспекты» [Кабакова 1999]. Это было очередным провидением В.Н. Телия: ПЛК не было еще и «в проекте», а она уже думала над тем, что такой поворот будет необходим и актуален. Конечно, в указанной диссертации речь шла о несколько иных проблемах, нежели те, которыми занимается сегодня ПЛК: в фокусе было «образное основание идиом, или образ, лежащий в основе мотивации внутренней формы идиомы», которое рассматривалось в трех аспектах: психологическом («с точки зрения его восприятия носителями языка»), лингвистическом («как один из аспектов значения фразеологизма, образующий его внутреннюю форму»), культурологическом («как содержание, соотносимое с “языком” культуры, а именно с эталонами, стереотипами, символами, мифологемами и проч.») [Указ. соч.]. Как представляется, данная диссертация представляла своего рода попытку подойти и изучению идиом с позиций – в том числе – психологии (чему немало способствовало базовое образование С.В. Кабаковой) и являлась, по мнению самого автора, «продолжением темы исследований, связанных с когнитивным анализом значений фразеологизмов с учетом данных, полученных в психосемантике, психолингвистике и лингвистике»; при этом описывались не только «различные типы информации, которую содержат в себе эти единицы языка» (идиомы), но и «способы ее осознания – “извлечения” и “обработки” – “рядовым” носителем языка» [Там же].

В фокусе внимания ПЛК, начавшей формироваться в начале этого века, находятся, однако, несколько иные проблемы: она изучает не различные аспекты определенных языковых единиц, но единое, сложное, многомерное пространство лингвокультуры, обладающей своими собственными единицами (словарем) и законами (грамматикой). Единицы лингвокультуры не являются собственно единицами языка. И хотя в пространстве лингвокультуры они выступают в вербализованном виде, такого рода единицы обладают лингво-когнитивной (например, концепты – в понимании в первую очередь Н.Д. Арутюновой и Л.О. Чернейко, прецедентные имена и под.) и даже собственно когнитивной природой (например, некоторые прецедентные ситуации или элементы системы знаний: таблица умножения, химические, математические, физические формулы и под.).

Следует сказать, что термин «лингвокультура» появился в научной литературе в самом конце XX в., но в широкий научный обиход вошел все-таки в начале века XXI. Вероятно, его автором можно признать Т.Н. Снитко, определившую лингвокультуру «как особый тип взаимосвязи языка и культуры, проявляющийся как в сфере языка, так и в сфере культуры и подлежащий выявлению в сопоставлении с другим типом взаимосвязи языка и культуры, то есть в сравнении с другой лингвокультурой» [Снитко 1999]. Однако со всей очевидностью представленное в указанной работе понятие лингвокультуры отличается от сегодняшнего ее понимания, особенно если рассматривать ее в рамках ПЛК. И еще одна маленькая

ремарка, касающаяся истории данного базового понятия ПЛК – лингвокультуры. Мне представляется, что это понятие также «нащупывалось» В.Н. Телия еще в 80-е годы, когда она рассматривала языковую картину мира как продукт речемыслительной / мыслительно-языковой деятельности, для которого характерны антропоцентричность и антропометричность [Телия 1988-б].

С точки зрения ПЛК лингвокультура равноположна образу мира и языковому сознанию, но не тождественна им: если языковое сознание включает в себя опосредованный значениями (индивидуальный) образ мира во всем его объеме, то лингвокультура – только общие компоненты образа мира, т. е. то, что формирует «объективную составляющую» такового, а это, как известно, всегда культурно маркировано и культурозависимо, поскольку обусловливается единой системой значений и предопределяется окружением, в котором «складывается» образ мира как таковой, а именно: культурой. Следовательно, лингвокультура может мыслиться и как основная среда, в которой человек формируется и проявляет себя как личность – человек говорящий.

Лингвокультура формируется на участке пересечения / наложения культуры и естественного языка человека – двух изначально существующих самостоятельных семиотических систем, каждая из которых обладает своим собственным «языком», и предстает как культура воплощенная и закрепленная в знаках языка, явленная нам в языке и через язык. В рамках ПЛК лингвокультура рассматривается как третья семиотическая система, которая формируется определенными подсистемами, и сегодня представляется возможным говорить о четырех подсистемах: когнитивной, метафорической, эталонной и символической (см., напр., [Красных 2011, 2017-б]; первые подступы к этому – см. [Красных 2005]).

Лингвокультура является лингво-когнитивным феноменом (в этом ее принципиальное отличие от языковой картины мира, выступающей как сложно устроенное семантическое пространство, т. е. как феномен лингвистический). Лингвокультура (в отличие от языковой картины мира) формируется не знаками языка, за которыми стоят некоторые смыслы, но образами сознания, облеченными в языковые знаки. «Семантика» лингвокультуры – это культуроносные смыслы, овнешненные в знаках языка. Соответственно, в фокусе рассмотрения находятся не знаки языка, овнешняющие образы, но образы, овнешняемые в знаках языка. Таким образом, в данном случае знаки языка рассматриваются (как и в рамках собственно лингвокультурологии) как тела знаков языка культуры. Исходя из этого, представляется возможным утверждать, что в сфере лингвокультуры язык выступает в роли означающего, а в роли означаемого выступают культуроносные смыслы, культурно-маркированные образы сознания, культура как таковая (понимаемая по В.Н. Телия – как мироощущение, миропонимание и мировосприятие сообщества) (подробнее – см., напр., [Красных 2013-а; 2016-б]).

Таким образом, ПЛК фокусирует свое внимание в первую очередь на изучении «ряда новых объектов, среди которых следует назвать лингвокультуру и человека говорящего (*Homo Loquens*) во всей совокупности его проявлений и с учетом основных факторов, которые влияют на его становление и коммуникативные проявления и которые находятся в фокусе внимания многих современных наук» [Красных, Бубнова 2015: 170; Красных 2016-а, 2017-б].

К числу такого рода факторов принадлежит «многогранник бытия» человека говорящего, предстающий как «неслиянное единство» формирующих его феноменов разной природы, которые находятся в отношениях (как минимум) двунаправленной зависимости, взаимовлияния и взаимодействия: *человек – язык – сознание – культура – лингвокультура – коммуникация – сообщество*. Как уже писалось в [Красных 2015-а], представляется весьма перспективным рассмотрение сквозь призму указанной совокупности феноменов **жанров речи**, поскольку это будет, безусловно, способствовать более объемному видению и изучению самого человека говорящего, который предстает сегодня как многомерный объект исследования ряда современных наук (см., напр., [(Нео) психолингвистика... 2017]). Все вышесказанное, как представляется, может лечь в основу нового отдельного направления современных исследований.

* * *

В заключение позволю себе высказать несколько соображений общего характера.

Первое. Конечно, высказанные идеи носят в определенной степени провокативный характер и требуют дополнительных размышлений, обсуждений, поисков доказательств, опровержений, аргументов pro et contra.

Второе. Конечно, выдвигаемая концепция неопостпозитивизма еще только формируется и формулируется, и еще не известно, какова будет ее судьба. Но тем не менее я беру на себя смелость утверждать, что в сфере гуманитарных наук сегодня складывается (кристаллизуется?) новый взгляд не только на объект, но и на саму науку (ее методологию, основы, если угодно – идеологию и под.), свидетельством чему являются новые науки / дисциплины / направления, в том числе – и представленные в данной статье.

Третье. Конечно, в рамках одной работы (тем более статьи) едва ли возможно сколько-нибудь подробно представить хотя бы некоторые из современных наук / дисциплин / направлений, формирующих современную парадигму в сфере филологических наук и отвечающих критериям неопостпозитивизма.

Четвертое. Конечно, не все из представленных дисциплин / направлений могут претендовать на статус отдельных наук в истинном смысле этого слова, ибо, как точно сформулировала в личном разговоре Н.В. Уфимцева, «новый объект еще не означает новой науки».

Пятое. И, конечно, учитывая все ускоряющийся темп жизни, мир будет все стремительнее меняться, и, следовательно, будут появляться новые предметы и объекты исследований, новые методы исследований, новые дисциплины. И будут складываться новые научные парадигмы.

Что день грядущий нам готовит? Поживем – увидим...

Список использованной литературы:

Ассман Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с. (Studia historica)

Бубнова И.А. Неопсихолингвистика, или психолингвистика личности: новое направление психолингвистических исследований // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем (коллективная монография) / И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева / под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. С. 97–179.

Бубнова И.А. Неопсихолингвистика, или психолингвистика личности: новое направление психолингвистических исследований // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем (коллективная монография) / И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева / под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. С. 97–179.

Бубнова И.А. Язык и специфика национального миропонимания в России XXI века: современные тенденции исследования // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 53. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 48–55.

Бубнова И.А., Красных В.В. Нео-психолингвистика: аргументы в защиту национально-культурного своеобразия // Вопросы психолингвистики. 2014, № 3 (21). С. 128–136.

Буссо Р., Полчински Й. Ландшафт теории струн. [Электронный ресурс] URL: <http://www.modcos.com/articles.php?id=137>. Дата последнего обращения – 28.03.2015.

Ганченко С. О множественности миров. [Электронный ресурс] URL: <http://www.everettica.org/art/ap1.pdf>. Дата последнего обращения – 28.03.2015.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скрелиной. М.: Прогресс, 1992. – 224.

Гумбольдт В. фон. Природа и свойства языка вообще // Избранные труды по языкознанию. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М., 2000. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.rus.ec/b/325096/read>. Дата последнего обращения – 05.04.2012.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. [Электронный ресурс] URL: http://www.takelink.ru/knigi_uchebniki/nauka_obrazovanie/87999-prolegomeny-k-teorii-yazyka.html. Дата последнего обращения – 15.03.2014.

Зимняя И.А. Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания, 1993. С. 51–58.

Зыкова И.В. «Концептосфера культуры» как базисная единица метаязыка лингвокультурологии // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015-а, № 2 (043). С. 13–24.

Зыкова И.В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: Ленанд, 2015-б. – 380 с.

Зыкова И.В. Перцепция и фразеологический знак в свете (психо)лингвокультурологического подхода // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем (коллективная монография) / И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева / под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. С. 262–342.

Зыкова И.В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. – 510 с.

Зыкова И.В. Фразеологический знак: к вопросу об объеме его культурной памяти // Мир русского слова. 2013, № 1. С. 43–49.

Зыкова И.В. Лингвокреативность с позиции лингвокультурологии: теория, метод, анализ // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 53. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 136–151.

Кабакова С.В. Образное основание идиом: Психолингвокультурологические аспекты. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. – 120 с. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dissercat.com/content/obraznoe-osnovanie-idiom-psikholingvokulturologicheskie-aspekty#ixzz42S3q01jw>. Дата последнего обращения – 09.03.2016.

Косиков Г.К. «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики). Вступительная статья / Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц. и вступ. ст. Г.К. Костикова. М.: Изд. группа «Прогресс», 2000. С. 3–49.

Красных В.В. «Смешались в кучу...» или ответ на «вызов нашего времени»? (к вопросу об интегративности филологических исследований) // Динамика языковых и культурных процессов. Материалы IV Конгресса РОПРЯЛ, проходящего в рамках I педагогического форума «Русский язык в современной школе» (Сочи, 1–2 ноября 2014 года). СПб.: Изд. дом «МИРС», 2014. Т. 2. С. 52–58.

Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М.: Диалог-МГУ, 1998. – 252 с.

Красных В.В. Жанры речи сквозь призму многомерности бытия *Человека говорящего* // Жанры речи. 2015-а, № 1 (11). С. 9–14.

Красных В.В. Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // *Respectus philologicus*. 2005, № 7 (12). С. 10–24.

Красных В.В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013-а, № 2. С. 7–18.

Красных В.В. Лингвокультурология в ряду новых наук о человеке говорящем: сегодня и завтра // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 53. М.: МАКС Пресс, 2016-а. С. 181–193.

Красных В.В. Новые науки о человеке говорящем: ответ на вызов нашего времени. Вступительная статья // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / Под ред. В.В. Красных. Авторы: И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева. М.: Гнозис, 2017-а. С. 6–18.

Красных В.В. Психолингвокультурология как наука о человеке говорящем сквозь призму лингвокультуры // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем (коллективная монография) / И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева / под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017-б. С. 183–261.

Красных В.В. Роль и функции языка как объект современных интегративных исследований (психолингвистический, лингвокультурологический, психолингвокультурологический и комплексный общегуманитарный подходы) // Вопросы психолингвистики. 2015-б, № 2. С. 90–97.

Красных В.В. Роль языка в свете интегративных исследований // Человек и язык в коммуникативном пространстве. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального ун-та, 2013-б. Т. 4. С. 46–50.

Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры как предмет современных интегративных исследований // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. Киев. 2011, № 5. С. 2–8.

Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016-б. – 496 с.

Красных В.В. Человек умелый. Человек разумный. Человек... «говорящий»? (некоторые размышления о языковой личности и не только о ней) // Функциональные исследования. 1997, № 4. С. 50–56.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология как конститuentы новой научной парадигмы // Сфера языка и прагматика речевого общения. Международ. сб. науч. трудов. К 65-летию фак-та РГФ Кубанского гос. университета. Книга 1. Краснодар, 2002. С. 204–214.

Красных В.В., Бубнова И.А. Некоторые базовые понятия и основные категории психолингвокультурологии // Вопросы психолингвистики. 2015, № 3(25). С. 168–174.

Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Пер с франц. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. (Серия «Книга света»). – 656 с.

Кубрякова Е.С., Шахнарович А.М., Сахарный Л.В. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи М.: Наука, 1991. – 240 с.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.В. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: Учебник. М.: Смысл, 1997. – 287 с.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания, 1993. С. 16–21.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. [Электронный ресурс] URL (напр.): <http://www.klex.ru/v4>. Дата последнего обращения – 28.03.2015.

Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261. URL (напр.): <http://www.infolib.info/psih/leontyev/obrazmira.html>. Дата последнего обращения – 28.03.2015.

Леонтьев А.Н. Философия психологии / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 228 с.

(Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем (коллективная монография) / И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева / под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. – 392 с.

Опарина Е.О. Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия // Язык и культура. [Электронный ресурс] URL: <http://www.classes.ru/grammar/140.Oparina/source/worddocuments/3.htm>. Дата последнего обращения – 07.07.2016.

Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебrenников. М.: Наука, 1988. С. 8–69.

Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме основания и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 1999. С. 25–33.

Постовалова В.И. Мифологема «Царство Божие» как символическая реальность в «духовном космосе» православия (теолингвокультурологические размышления) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 53. М.: МАКС Пресс, 2016-а. С. 294–311.

Постовалова В.И. Наука о языке в свете идеала цельного знания // Язык и наука конца XX века. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 342–420.

Постовалова В.И. Наука о языке в свете идеала цельного знания. В поисках интегральных парадигм. М.: Ленанд, 2016-б. – 272 с.

Постовалова В.И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления // *Magister Dixit*. Научно-педагогический журнал Восточной Сибири. № 4. Декабрь 2012. [Электронный ресурс] URL: <http://md.islu.ru/> Дата последнего обращения – 07.07.2016.

Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Пер. с франц. / Общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Костикова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.

Рикер Поль. Конфликт интерпретаций (Очерки о герменевтике). / Пер. с фр. И.С. Вдовина. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 1995. – 695 с.

Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред.: Б.А. Серебренников. Авторы: Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.К. Постовалова, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1988. – 216 с.

Серио П. Оксюморон или недопонимание? Универсалистский релятивизм универсального естественного семантического метаязыка Анны Вежбицкой // Политическая лингвистика. 2011, № 1 (35). С. 30–41.

Снитко Т.Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах: Дис. ... д-ра филол. наук. Пятигорск, 1999. – 262 с. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dissercat.com/content/predelnye-ponyatiya-v-zapadnoi-i-vostochnoi-lingvokulturakh#ixzz4F4o4Bsaf>. Дата последнего обращения – 07.07.2016.

Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. С. 249–295. [Электронный ресурс] URL: http://iphras.ru/uplfile/root/stepin/klassika_neklassika_istneklassika.pdf Дата последнего обращения – 04.02.2017.

Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. [Электронный ресурс] URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000249/> Дата последнего обращения – 04.02.2017.

Тарасов Е.Ф. Введение // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания, 1993. С. 6–15.

Тарасов Е.Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004, № 2, с. 34–47.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. – 143 с.

Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1988-а. С. 26–51.

Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988-б. С. 173–203. [Электронный ресурс] URL: <http://www.torrentino.com/torrents/975193>. Дата последнего обращения – 17.06.2016.

Телия В.Н. О методологических основаниях лингвокультурологии // Логика, методология, философия науки. Тезисы докладов. М.–Обнинск: ИФ РАН, 1995. С. 102–104.

Телия В.Н. О специфике отображения мира психики и знания в языке // Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука, 1987. С. 67–75.

Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 30. М., 2005. С. 4–42.

Телия В.Н. Объект лингвокультурологии между Сциллой лингвокреативной техники языка и Харибдой культуры (к проблеме частной эпистемологии лингвокультурологии) // С любовью к языку: Сборник научных трудов: Посвящается Е.С. Кубряковой. М.–Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002. С. 89–97.

Телия В.Н. Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура: Мат-лы II-й междунар. конф. В 3 ч. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999-а. Ч. 3. С. 14–15.

Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 1999-б. С. 13–24.

Телия В.Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ ПРЕСС-Книга, 2006. С. 776–782.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с. [Электронный ресурс] URL: <http://bookre.org/reader?file=1346175> Дата последнего обращения – 07.07.2016.

Телия В.Н., Графова Т.А. и др. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности Коллективная монография / Институт языкознания. М.: Наука, 1991. – 214 с.

Телия В.Н., Дорошенко А.В. Лингвокультурология – ключ к новой реальности феномена воспроизводимости несколькословных образований // Язык. Культура. Общение. М.: Гнозис, 2008. С. 207–216.

Уфимцева Н.В. Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. 2009-а, № 4. С. 98–111. [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-mira-russkih-sistemnost-i-soderzhanie>. Дата последнего обращения – 09.03.2016.

Уфимцева Н.В. Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2009-б, № 2(10). С. 22–29.

Уфимцева Н.В. Психолингвистика в XXI веке // Язык и сознание: психолингвистические аспекты: сб. статей / под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М.-Калуга: Эйдос, 2009-в. С. 21–32.

Уфимцева Н.В. Системно-целостный принцип и анализ языковой картины мира // Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 46. С. 122–127.

Уфимцева Н.В. Сопоставительный анализ языкового сознания: этнические и культурные стереотипы // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М.: ММА им. И.М. Сеченова, Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 90–96.

Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: Институт языкознания РАН, 1998. С. 135–170. [Электронный ресурс] URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/articles/3_1.htm. Дата последнего обращения – 09.03.2016.

Уфимцева Н.В. Этнопсихолингвистика как раздел теории речевой деятельности // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем (коллективная монография) / И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева / под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. С. 21–96.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 207–219. [Электронный ресурс] URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-2.html. Дата последнего обращения – 09.03.2016.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.-Калуга: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с. [Электронный ресурс] URL: <http://www.twirpx.com/file/1043200/>. Дата последнего обращения – 09.03.2016.

Хайдеггер М. Время картины мира. [Электронный ресурс] URL: philosophy.ru/library/heideg/time-pict-world.html. Дата последнего обращения – 05.03.2012.

Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / Отв. ред. Т.В. Булыгина. Авторы: Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.А. Кибрик, К.Г. Красухин, С.А. Крылов, Е.В. Падучева, Т.В. Радзиевская, А.Д. Шмелёв. М.: Наука, 1992. – 280 с.

Rosch E. Primary Knowing: When Perception Happens from the Whole Field. (Interview with Professor Eleanor Rosch; Berkeley, California, October 15th, 1999). [Электронный ресурс] URL: <http://www.dialogonleadership.org/interviewRosch.html>. Дата последнего обращения – 19.11.2004.

Словари и энциклопедии

Новая философская энциклопедия / Под ред. В.С. Степина. В 4-х тт. М.: Мысль, 2001.

Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.

Философская энциклопедия. / Под ред. Ф.В. Константинова. В 5-х тт. М.: Советская энциклопедия. 1960–1970.

Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983.

Информация об авторе

Красных Виктория Владимировна

д.ф.н., доцент

профессор кафедры общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации)

филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Адрес: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1 корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет, ауд. 939.

Тел.: 8 – 495 – 939.53.28.

E-mail: victoryvk@gmail.com